

В 1970-е гг. Илья Романович обращается к теоретическим проблемам текста, и не только потому, что произошел еще один поворот, и в моду вошла лингвистика текста, и появились новые вызовы, а в силу естественного движения мысли — от исследования единиц к исследованию целого, и потому, что как стилист он всегда занимался текстами (ср., например, опубликованную в 1968 г. работу *An Essay in Stylistic Analysis*), и что сама стилистика синтетична и носит многоуровневый характер, и текст всегда находится в ее поле зрения.

В 1981 г. выходит в свет труд И. Р. Гальперина «Текст как объект лингвистического исследования», который суммирует и развивает соображения автора, высказанные еще в ряде статей, докладах и лекциях, и, являясь, конечно, откликом на вызовы лингвистического текста как результата речетворческого процесса, как высшей единицы речи с ее онтологическими признаками, присущими ей категориями и составляющими.

Помимо собственно теоретических лингвистических трудов, Илья Романович был также широко известен и как автор либо соавтор работ по смежным специальностям (теория перевод, лексикология), прикладных работ (серия учебников английского языка) и, конечно же, созданного под его общим руководством двухтомного *Большого англо-русского словаря*, публикация которого в 1972 г. стала выдающимся событием, ознаменовавшим появление наиболее полного лексикографического издания подобного рода.

Лингвостилистика, в становлении и развитии которой столь блистательно участвовал И. Р. Гальперин, является важнейшей областью современного системного языкознания. Того языкознания, которое отныне, вне всяких сомнений, подлежит энергичному утверждению в качестве фундаментальной, ядерной области языкознания. Без этого фундамента не могли бы существовать и развиваться никакие прагма-, психо-, социо-, когнитив- и многочисленные другие новейшие «лингвистики», объективно необходимые и продуктивные сами по себе, поскольку раскрывают свои области истины, но, к сожалению, склонные к досадной недооценке отмеченного системного ядра языкознания.

НЕКОТОРЫЕ ОСОБЕННОСТИ ФОНЕТИЧЕСКОГО АНАЛИЗА СПОНТАННОЙ МОНОЛОГИЧЕСКОЙ РЕЧИ

Новик Н. А., Белорусский государственный экономический университет

Как известно, неподготовленному спонтанному говорению свойственно совпадение или почти совпадение процессов планирования и порождения речевого сообщения с присущей ему особой звуковой презентацией. Это в первую очередь проявляется в несовпадении в спонтанно реализуемом сообщении границ интонационного и синтаксического членения. Плавность и линейность, которые свойственны синтаксическому построению подготовленного сообщения, в спонтанной речи постоянно нарушаются хезитационными паузами и повторами.

Как следствие, в такого рода неподготовленном монологе наблюдается практическое отсутствие фраз в привычном понимании слова. Это объясняется присутствием в нем двоякого членения: синтаксического и паузально-хезитационного. Частые повторы речевых отрезков различной длины препятствуют существованию фраз, и не позволяют нам использовать фразу как ключевую семантическую и интонационную единицу для изучения спонтанных высказываний.

Казалось, что для этой цели можно использовать синтагму. Однако и она оказалась противоречивой и ненадежной единицей, поскольку наполнена внутренними паузами и разорвана хезитациями. Факторы одновременного планирования и порождения спонтанного сообщения разрушают смысловое единство синтагмы, и, как результат, семантический принцип ее выделения практически сводится к нулю.

Спонтанный текст, или, точнее сказать, достаточно продолжительное по времени спонтанное монологическое высказывание, имеет более дробное синтагматическое членение, в нем отсутствуют текстовые просодические признаки в привычном понимании слова. Целостность такого текста, четко определяемые ритмические и мелодические признаки его как единого целого могут отсутствовать, равно как и понятия «середины текста», «конец текста».

В нашем экспериментальном материале, состоящем из большого объема спонтанных монологических сообщений (общее время звучания 5 часов 30 минут) эти участки речевого потока можно часто было определить лишь чисто механически. В силу нелинейного характера протекания спонтанной речи, в ней нет ни середины, ни конца, поскольку неизвестно, когда он наступит. Говорящий в каждый момент времени занят лишь передачей текущего небольшого объема информации, подбирает слова, вслушивается, повторяет, исправляет, улучшает выбор речевых средств по ходу их реализации и внезапно останавливается, поскольку не знает, что еще сказать. В спонтанной речи наблюдается сокращение количества гезитаций, нарастание плавности и непрерывности к концу синтагмы, когда основные вопросы содержания говорящим уже решены, и преодолены главные трудности тематического развертывания синтагмы.

Разорванность синтагмы в спонтанной речи, ее нестабильность во времени повышают плотность количества ударений в спонтанном тексте, по сравнению с подготовленным, при этом в более дробных синтагмах спонтанной речи количество ударений примерно равно количеству ударений в более крупной синтагме читаемого текста, аналогичного по своему лексическому составу и грамматическому построению.

Согласно данным нашего эксперимента, спонтанному высказыванию свойственно постоянство в плотности ударных слогов, независимо от позиции синтагмы в начале-середине-конце текста (невыделенных больше на: 65 % — 60 % — 64 %). В то же время читаемые, а поэтому заранее подготовленные тексты в этом смысле неоднородны (86 % — 92 % — 103 %).

Существенной особенностью спонтанной речи также является перегруппировка ритмических групп в пределах синтагмы относительно стандартного членения, характерного для подготовленной речи. Нами установлен факт наличия в спонтанных высказываниях большего количества простых ритмогрупп, а также сокращения длины ритмогрупп в слогах, по сравнению с подготовленными высказываниями.

С нашей точки зрения, именно ритмогруппа является наиболее недвусмысленной речевой структурой, которую можно использовать в фонетическом анализе спонтанной речи.

ТЕРМИН «КОНТЕКСТ» В АСПЕКТЕ СОВРЕМЕННОГО ДИСКУРС-АНАЛИЗА

Солодовникова Т. В., Белорусский государственный университет

Интерес к проблеме контекста представляет собой одну из наиболее ярких тенденций развития современного дискурс-анализа. В языкознании понятие контекст зачастую приравнивается к понятию «системного значения семантически законченного текстового отрывка, обладающего свойством целостности» (Большой энциклопедический словарь: философия, социология, религия, эзотеризм, политэкономия, 2002). Отсюда в большинстве работ по лингвистике находим, что под контекстом понимается ближайшее окружение лексической единицы, законченный в смысловом отношении отрезок письменной речи, в котором используется исследуемая единица анализа (это может быть словосочетание либо небольшое предложение, либо абзац). При этом считается, что контекст структурирует возможные аспекты значения лексической единицы и вне контекста лексема утрачивает дополнительные значения, ситуативно обусловленную семантическую конкретность, коннотативность.

С таким утверждением можно согласиться лишь отчасти, поскольку, во-первых, оно не отражает междисциплинарность, предъявляемую к современному гуманитарному знанию, а во-вторых, в ряде работ по проблематике политического дискурса доказано, что контекст (при его понимании как семантически законченного текстового отрывка, обладающего свойством целостности) служит одним из факторов неопределенности дискурса за счет предоставления адресату возможности множественной интерпретации слов и увеличения тем самым семантической диффузности лексем (А. А. Месячник). Схожая точка зрения обнаруживается и в работах Т. А. ван Дейка: «Простое исследование лингвистических структур дискурса «как такового» и даже автономных интеракционных структур разговоров не отвечает более тенденциям современной дискурс-